

*Историческое
наследие*

В. А. ПОТТО

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

том

1

В.А.Потто

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

От древнейших времён
до Ермолова

том

1

СТАВРОПОЛЬ
"КАВКАЗСКИЙ КРАЙ"
1994

IV

АНАПА В 1807-1812 ГОДАХ

При черноморском атамане Бурсаке турецкой крепости Анапе пришлось играть роль довольно значительного местного центра русских военных действий в западной части Кавказа. Хотя сама по себе крепость эта, благодаря походам к ней Текелли, Бибикова, эскадры контр-адмирала Ушакова, намеревавшегося истребить на рейде ее турецкие суда, и особенно благодаря взятию ее приступом войсками генерала Гудовича, давно уже потеряла престиж неприступной твердыни; однако же, возвращенная туркам по Ясскому миру, она продолжала служить для них не только опорным пунктом, откуда распространялось влияние их на всю Черкессию и часть Закавказья, но и главнейшим питомником черкесских набегов, всегда находивших в Анапе и защиту, и поощрение, и даже прямое подстрекательство. И вот, во время атаманства Бурсака, Анапа делается вновь предметом завоевания и остается в русских руках уже около пяти лет кряду.

В 1807 году эскадра контр-адмирала Пустошкина, подойдя к Анапе, открыла бомбардирование с моря; но, к удивлению, крепость не отвечала, и мичман Неверовский, высадившийся на берег с шестью матросами, нашел крепостные верки уже покинутые турками. Взойдя на вал, он поднял на нем кейзер-флаг. Радостное "Ура!" целой эскадры огласило черноморские воды, приветствуя этот видимый знак

русского владычества. В эту самую минуту Неверовский внезапно был атакован сильной партией горцев, но подоспевшая команда, с флаг-офицером Юрьевым, выручила храбрых моряков и отразила нападение. Через час после этого в Анапу вступил гренадерский батальон четвертого морского полка, который забрал оттуда все медные пушки, а все остальное имущество, каменные стены, верки и батареи взорвал. Затем батальон посажен был опять на суда, и эскадра шестого мая возвратилась в Севастополь.

По удалении русских турки немедленно возобновили разрушенные верки, но через два года явилась опять эскадра капитан-лейтенанта Перхунова, вторично овладела Анапой и на этот раз уже заняла ее своим гарнизоном. Комендантом крепости назначен был генерал-майор Бугхольц, а командующим войсками - генерал Панчулидзе. Между тем турецкий паша, бежавший из Анапы в горы, успел поднять черкесов, которые, отрезав все сообщения Анапы с Кубанской линией, держали ее гарнизон почти в постоянной осаде, беспокоя окрестности мелкими нападениями. Тогда полковник Эстляндского пехотного полка Золотницкий был послан с небольшим отрядом наказать одного из главнейших и наиболее беспокойных черкесских князей, Айдамира, у которого именно и скрывался паша. В продолжение двух дней Золотницкий громил черкесов и разорил до сорока аулов, но на обратном пути он, в свою очередь, был окружен двенадцатитысячным неприятелем и в течение целого дня должен был выдерживать неравный бой. К вечеру до Анапы дошли преувеличенные слухи о тяжком положении отряда, и Панчулидзе немедленно выступил на помощь к нему со всем гарнизоном. Но прежде чем он успел подойти, дело было уже решено, и храбрый Золотницкий торжествовал полную победу. Неприятель, отброшенный в беспорядке, был прогнан с уроном до полутора тысяч человек, но успех недешево достался и Золотницкому, потерявшему более ста нижних чинов. А главное - экспедиция не принесла тех результатов, которые от нее ожидалось.

До какой степени сообщения с Линией оставались и после того опасными, может служить доказательством следующее дело, бывшее восемнадцатого августа 1809 года. В этот день в Анапу ожидали

небольшую команду черноморских казаков, посланную с Линии, под начальством есаула Кривошеи. Зная опасность пути, Панчулидзеv заблаговременно отправил навстречу к ней две роты двадцать второго егерского полка, с орудием, под командой майора Витязя. Отряд вышел в пять часов утра, а в семь на окрестных высотах уже замечены были из Анапы сильные партии горцев, и скоро затем стала слышна и перестрелка. Тогда Панчулидзеv двинул вслед за Витязем еще батальон пехоты, с двумя орудиями, под командой подполковника Краббе, и эта предусмотрительность только и спасла, как увидим, от гибели и Витязя, и Кривошею.

Отряды их были уже друг от друга на расстоянии не более, чем верста, как вдруг из ущелья стремительно вынеслись две партии горцев, под предводительством самого анапского паши, при котором находились и два турецкие орудия; меньшая партия кинулась на егерей, большая обрушилась на казаков Кривошеи.

Сто сорок пять черноморцев, видя невозможность удержать стремительную лаву черкесской конницы, спешили и, не теряя присутствия духа, стали, по казацкому выражению, "на отбой". Точно скала, охваченная волнами разъяренного моря, стояла эта храбрая кучка под бешеным натиском черкесов. Но скоро оба казачьи офицера и многие из казаков были уже ранены. Витязь между тем стремительным ударом в штыки проложил себе путь и около полудня успел соединиться с казаками. Положение русских, впрочем, от того не выиграло. Обложив оба отряда густыми толпами, горцы выставили вперед свои орудия и поражали картечью с самых близких дистанций. В течение двух часов команда отбивалась от неприятеля; все пушечные заряды были уже выпущены, а между тем к горцам прибывали все новые толпы, и положение русских с каждой минутой становилось все затруднительнее и затруднительнее. Из пятнадцати офицеров в строю осталось уже всего только двое. Майор Витязь, получивший несколько ран, лежал возле орудия в совершенном изнеможении, но до конца не переставал ободрять своих подчиненных, заклиная их сражаться до последней капли крови и умереть с оружием в руках. Рядом с ним лежал на земле поручик Козлов, командовавший единственной

пушкой. Истекая кровью, с простреленными ногами, он также не хотел оставить своего поста и всякий раз приказывал поднимать себя, чтобы лично наводить орудие. Остальные раненые офицеры взяли солдатские ружья и стреляли, понимая, как дорога была каждая лишняя меткая пуля. В этом примере доблестных начальников нижние чины почерпали энергию и мужество, которые позволили им наконец сделать возможным почти невозможное - отстоять орудие, на которое направлялись самые яростные атаки черкесов.

Но в ту минуту, как гибель отряда казалась почти неизбежной, подоспел батальон подполковника Краббе. Он разметал черкесские скопища и спас горсть оставшихся в живых героев.

К крайнему прискорбию, кровавое дело это стоило отряду храброго майора Витязя, не пережившего тяжких ран и через три дня скончавшегося в Анапе. Едва ли кто-нибудь укажет теперь его могилу, но память о нем живет и долго еще будет жить в Черноморском крае, где одна из первых казачьих станиц, перенесенных за Кубань, на вражескую сторону, названа, в воспоминание его блестящего подвига и доблестной смерти, Витязевской.

После этого кровавого боя особенно выдающихся событий в окрестностях Анапы уже не было, и в 1809 году только небольшая флотилия черноморских казаков, пройдя по Кизильтажскому лиману, истребила несколько береговых черкесских селений. Зато в 1810 году, когда казацкий атаман Бурсак громил абадзехов, а полковник Рудзевич¹, сменивший в Анапе

¹Александр Яковлевич Рудзевич, впоследствии генерал от инфантерии, был в это время шефом двадцать второго егерского полка. Боевая служба его на Кавказе началась еще при Глазенапе на Линии, а потом он некоторое время командовал в Грузии Тифлиским пехотным полком. Наполеоновские войны сделали его имя известным целой России. Ему принадлежала честь взятия Монмартра под Парижем восемнадцатого марта 1814 года, за что он получил орден св. Георгия 2-ой степени. В царствие императора Николая он командовал третьим пехотным корпусом и скончался внезапно в походе, во время турецкой войны, двадцать второго марта 1829 года. Говорят, что причиной его смерти было известие о кончине любимого сына, убитого под Варной.

Панчулидзева, сделал, со своей стороны, удачный набег за Кизильтажскую косу, горцы подстерегли отряд на обратном пути и, верстах в пятнадцати от крепости, напали на него в огромных силах. Они пытались даже совсем истребить отряд, зажегши вперед его степь, как сделали это когда-то крымские татары с Сагайдачным, но, к счастью, пожар был скоро потушен, и отбитые пушечными выстрелами горцы рассеялись.

Отлично понимая, что спокойствие в крае не водворится до тех пор, пока турки будут сидеть на черноморском побережье, Рудзевич, в декабре 1810 года, собрал отряд и пошел разорять турецкую крепость Суджук-Кале, теперь игравшую ту же роль, что и Анапа. С потерей для турок Анапы все жизненные нервы закубанских народов сосредоточились именно в Суджук-Кале, который из скромного татарского городка уже за тридцать лет перед тем преобразился в довольно сильную турецкую крепость. Черкесы дорожили этим местом не менее турок, потому что здесь они получали оружие, боевые припасы, деньги и хлеб; здесь они продавали своих дочерей и невольников и здесь же имели всегда готовые суда для эмиграции в Турцию. В этом именно и лежала причина, почему шапсуги и натухайцы, земли которых прилегали к Суджукской крепости, так крепко стали на ее защиту. Рудзевич, однако же, разбил их скопища наголову и двадцать четвертого декабря, в рождественский сочельник, взял и разорил Суджук до основания. Экспедиция эта имела последствием, что все племена, обитавшие по северо-восточному берегу Черного моря, изъявили покорность. Рудзевич получил за нее чин генерал-майора и орден св. Георгия 3-ей степени.

Между тем, благодаря разумной политике анапско-го комманданта генерал-майора Бугхольца, женатого притом же на черкесской княжне из абадзехской фамилии Дауровых, между племенами, населяющими окрестности Анапы, мало-помалу начала образовываться довольно сильная партия, преданная интересам России. Нет сомнения, что дела приняли бы еще лучший оборот, но, к сожалению, в 1812 году, по заключении Бухарестского мира, Анапа опять возвращена была Турции, а вместе с ней снова поступили под турецкую опеку и все горские народы, обитавшие

по левую сторону Кубани. Говорят, что турки ставили непремнейшим условием мира возвращение Анапы и Поти и что на этом настаивали больше всего высшие турецкие сановники, получавшие именно из этих пунктов красивейших невольников и одалисок для своих гаремов. Как бы то ни было, но уступка столь важного приобретения может быть объяснена только той поспешностью, с которой необходимо было кончить одну войну, чтобы все силы государства направить тотчас же против другого врага, несравненно более опасного; это было то время, когда Наполеон стоял на Немане и, указывая своим полкам на бесконечную ширь русских полей, гордо произносил известные слова: "Россия увлечена своим роком!"